

Научная статья
УДК 340.111
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-120-127>

К вопросу о возможности законодательного разделения досудебного и судебного производства по уголовным делам

Шарипова Алия Рашитовна

Институт права Башкирского государственного университета, Уфа, Россия, nord-wind23@mail.ru

Аннотация. Существенные проблемы уголовного процесса связываются с тем, что на законодательном уровне досудебное производство и суд по уголовным делам регулируются «в едином ключе». Предопределенность «обвинительного уклона» возникает из-за сходства структуры действующего закона с его советским предшественником. Распространение единых принципов судопроизводства на разные разнородные его элементы приводит к выхолащиванию их смысла. Предлагается разделение уголовно-процессуального закона на «Кодекс расследований» и «Судебный кодекс».

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное право, правосудие, арбитражный процесс, процессуальное право, досудебное производство

Для цитирования: Шарипова А. Р. К вопросу о возможности законодательного разделения досудебного и судебного производства по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 120—127. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-120-127>.

Original article

On the issue of the possibility of legislative separation of pre-trial and trial proceedings in criminal cases

Aliya R. Sharipova

Institute of Law Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, nord-wind23@mail.ru

Abstract. Significant problems of the criminal process are associated with the fact that at the legislative level, pre-trial proceedings and the court in criminal cases are regulated in the same way. The predetermination of the “accusatory bias” arises from the similarity of the structure of the current law to its Soviet predecessor. The extension of the uniform principles of legal proceedings to its various heterogeneous elements leads to the emasculation of their meaning. It is proposed to divide the criminal procedure law into “Investigation Code” and “Judicial Code”.

Keywords: criminal process, judicial law, justice, arbitration process, procedural law, pre-trial proceedings

For citation: Sharipova A. R. On the issue of the possibility of legislative separation of pre-trial and trial proceedings in criminal cases. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 120—127. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-120-127>.

Широкое сравнение универсальных процессуальных институтов [1] в рамках обоснования концепции судебного права привело нас к мысли о не в полной мере оцененной роли одного очень существенного «видимого» отличия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)

от Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ). Мы предположили, что масса неочевидных, но необоснованных

© Шарипова А. Р., 2022

отличий судебных институтов УПК РФ связана с тем, что в нем судебное производство регулируется в концептуальном единстве с досудебным. Стадийность уголовного процесса полностью воспринята уголовно-процессуальным законом: вся процессуальная деятельность, от проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела до исполнения приговора регламентирована единым УПК РФ. Это кажется абсолютно естественным, проверено временем и не имеет альтернативы ни в одной континентально-европейской системе уголовного процесса.

Осознаем, что идея отделения от УПК некоего особого «Кодекса расследований» и сохранение в УПК только судебной части звучит максимально фантастически, и попытки единовременного разрыва проникающих друг в друга «досудебных» и «судебных» норм навредят гораздо больше, чем помогут. Но многое из того, что сегодня существует (например, использование видео-конференц-связи в российских судах), когда-то было лишь набором теоретических гипотез.

Обосновать право подобным предположением мы и попытаемся. Попутно заметим, что идея создания единого судебно-процессуального кодекса хоть и кажется желанной сторонникам концепции судебного права, но всерьез никогда не предлагалась. Стоит только заикнуться — и предлагающего подобное предадут уголовно-процессуальной анафеме. Между тем в Финляндии единый судебно-процессуальный закон для гражданских и уголовных споров (Code of Judicial Procedure или Oikeudenkäymiskaaren [2]), и он вообще не затрагивает вопросы предварительного расследования. В Шведском Code of Judicial Procedure (Rättegångsbalk [3]), тоже едином, предварительному расследованию посвящена одна глава из 59. Это не единственные в мире примеры, которые упомянуты здесь без прямых аналогий, поскольку не пригодны для заимствований ни в силу иных правовых и особенно культурно-правовых традиций этих стран, ни в силу несвоевременной юридической техники документов (первоначальные их редакции приняты соответственно в XVIII и первой половине XX века). Они лишь свидетельствуют о том, что годами и веками гражданские и уголовные дела рассматривались судами в рамках единой процедуры, урегулированной единым актом, посвященным единственно этой процедуре, без ее досудебных предвестников.

Разделение уголовно-процессуальных норм, регулирующих досудебное и судебное производство,

по разным правовым актам может быть целесообразно по следующим причинам: предопределенность «обвинительного уклона» суда сходством (близким к тождеству) структуры действующего закона с его советским предшественником; распространение единых принципов судопроизводства на разные разнородные его элементы; субсидиарное по отношению к предварительному расследованию уголовно-процессуальное положение суда; объективно процедура судебного разбирательства по уголовным делам гораздо ближе к процедуре разбирательства по любым другим судебным делам (гражданским и арбитражным спорам и административным спорам с государственными органами), нежели к процедуре предварительного расследования преступлений.

Понимая крайнюю нетрадиционность такой постановки вопроса, тем не менее развернем эти тезисы более подробно.

Унификации судебных институтов процессуального права со стороны уголовного процесса препятствуют присутствующие в них отголоски досудебного производства. Подчеркиваем, единообразие универсальных институтов мешает не факт наличия досудебного производства в уголовном процессе (то есть не сама его сущность), а ненужная преемственность судебного производства по отношению к досудебному.

По большей части канва современного уголовно-процессуального закона сформировалась в советские годы, когда на всех уровнях, включая законодательный, была реализована идея суда как правоохранительного органа, борющегося с преступностью наравне с милицией и прокуратурой. Несмотря на то, что официально «единая упряжка» суда и обвинительной власти расформирована, нам еще долго предстоит добиваться состязательного процесса, независимого суда, реального благоприятствования защите в силу не оспариваемой сегодня никем презумпции невиновности в уголовном процессе и т. д.

В 1985 году выдающийся и известный своими редкими для той поры демократическими взглядами советский процессуалист А. М. Ларин писал о необходимости наделить суд полномочиями отстранения обвиняемого от должности (по собственной инициативе) на случай, если он обнаружит соответствующее упущение следователя [4, с. 157]. Спустя 35 лет так откровенно «дорабатывать» за следствие суду уже не предлагают, хотя принимаемые в УПК РФ с 2003 года изменения направлены на последовательное расширение возможностей стороны

обвинения компенсировать недостатки своей работы с помощью суда. Науке стоило бы абстрагироваться от идеи возложения на суд задачи борьбы с преступностью и задаться вопросом: какая печаль суду от того, что следствие что-то упустило? Ведь суд — это не орган уголовного преследования, это орган, призванный разрешить правовой спор.

Принципы и отдельные нормы уголовно-процессуального права с тех пор изменились, но внутренняя логика и структура кодексов — одинаковы. Подобно кораблю Тесея, в котором по очереди поменяли все доски, спровоцировав спор о том — прежний это корабль или уже другой, в советском УПК заменили множество норм, но, покинув закон, они оставили старую структуру, старую «форму», лишая возможности законодателя создать подлинно современный закон. Б. Н. Лапин так охарактеризовал постсоветское реформирование законодательства: «из... тысяч законов изымались прежде всего такие расхожие термины, как «советское» государство и право, «социалистическая законность», «советский суд и правосудие». Все же остальное оставлялось фактически без изменений» [5].

Особое отношение к стороне обвинения выдает себя в тексте УПК РФ рядом деталей. Так, обжалование судебных актов государственным обвинителем осуществляется в форме представления, а всеми остальными участниками — в форме жалобы. Для пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам предусмотрено обращение заинтересованного лица не напрямую в суд, а к прокурору для возобновления им производства (ст. 415).

Нормы УПК РФ сконструированы универсально — для досудебного и судебного производства: властные органы — уголовного преследования и суда — состоят в единых перечнях без разделения по функциям. Например, в нормах о мерах процессуального принуждения обладателями соответствующих полномочий названы «дознатель, следователь, суд» (ст. 97). Но следователь и дознаватель принимают меры по собственной инициативе и в интересах собственного расследования, а суд — по их ходатайству и в интересах их расследования. В статье 86 в таком же едином перечне названы субъекты собирания доказательств, хотя очевидно, что роли стороны обвинения и суда в этом процессе не могут совпадать по определению.

В производстве по делам о налоговых правонарушениях налоговые органы тоже вправе принимать меры по обеспечению исполнения

обязанности по уплате налогов (пеня, арест) по собственному усмотрению. Существует у них и право обратиться к суду за обеспечительной мерой в виде ареста (ст. 48 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ)). Однако две этих разновидности мер обеспечения разделены по разным нормам по критерию того, к чьим полномочиям они отнесены.

Несмотря на то, что к органам уголовного преследования должны предъявляться высочайшие требования по соблюдению прав личности в уголовном процессе, реальность такова, что это органы обвинения, сколько бы ученые не называли их независимыми исследователями [6]. Процедуры формулирования и предъявления обвинения, обоснования его в направлении последовательного опровержения презумпции невиновности сами по себе превращают следователя и дознавателя в обвинителей. Действуя от имени государства, должностное лицо в принципе не вправе быть субъективно или односторонне действующим, но это не меняет обвинительной направленности его деятельности. К тому же, говоря об уголовных делах, дошедших до суда, в обвинительном характере деятельности органов предварительного расследования вообще не приходится сомневаться — он зафиксирован в итоговом процессуальном решении.

Совместная для суда и органов уголовного преследования регламентация каких-либо институтов ориентирует суд на одни общие с этими органами цели и задачи. Действительно, в любой стране в любое время даже в условиях репрессий очень значительная доля уголовно преследуемых лиц является преступниками, тогда зачем суду вести себя с ними, будто они не таковы? Однако день за днем видя в подозреваемых, обвиняемых и подсудимых установленных правонарушителей, суд теряет шансы разглядеть того, кто попал в эти ряды незаслуженно, или хотя бы просто не пойти на поводу у стороны обвинения, приняв сформированный ею обвинительный тезис, игнорируя все доводы защиты. Между тем игнорирование доводов защиты причиняет очевидный вред делу противодействия преступности, ибо неразрешённые сомнения в виновности либо в меньшей виновности конкретного обвиняемого — это нередко спутник ухода от заслуженной ответственности настоящего преступника или соучастника в совершении преступлений. Презумпция невиновности — это гарант меткости уголовной репрессии, поскольку позволяет применять её только в отношении несомненно виновных.

Преемственность структуры и внутренней логики уголовно-процессуальных законов нашей страны сгладила эффект коренных изменений, реализованных в УПК РФ. Наполнение тех же отдельно взятых норм, что и были раньше, находящихся в тех же главах и статьях закона, абсолютно иным смыслом в духе новых принципов уголовного процесса и новых задач судопроизводства — очень затруднительно для правоприменителя. Даже наука, куда более свободная в поиске смыслов, привычно и до сих пор ищет следы всесторонности в кодексе, критикует состоятельность и пассивный суд под лозунгом необходимости достижения истины [7].

Таким же искусственным и выхолащивающим смысл выглядит распространение состязательности на предварительное расследование. Кто и с кем там «состязается», кто определяет победителя в «состязании»? То, что наука назвала «элементами состязательности», можно назвать и по-другому: элементами права на защиту, элементами судебного контроля и т. п. В современной литературе не без оснований подчеркивается, что попытки придать «сквозной» характер принципу состязательности, распространив его действие и на досудебное производство в континентально-европейской модели уголовного процесса, едва ли могут быть успешными [8, с. 103].

В производстве по делам об административных правонарушениях, о налоговых правонарушениях есть те же элементы (например, участие в назначении экспертизы лица, в отношении которого ведётся производство), но принцип состязательности не закреплён ни Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ), ни Налоговым кодексом Российской Федерации, и эти «элементы» существуют и без «состязательности».

Существует еще один подход, позволяющий сохранять смысл принципов, не растягивая его беспредельно. Так, в главе 2 «Задачи и принципы уголовного процесса» УПК Беларуси обязательность всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела возложена только на орган уголовного преследования (ст. 18). А состязательность названа основой правосудия (ст. 24), а не судопроизводства, включающего вопреки буквальному смыслу слова и предварительное расследование, как в ст. 15 УПК РФ.

Рассмотрение уголовного дела судом представляется каким-то формальным этапом придания требуемой юридической силы обвинительному заключению, а не состязательным

процессом. Будь часть 3 УПК РФ полноценным судебным кодексом по уголовным делам, она бы содержала указание на какое-либо «защитительное заключение» в противовес обвинительному, как предусмотрен обязательный отзыв в АПК РФ (ст. 131), возражения в КАС РФ (ст. 135).

Конечно, с учетом специфики презумпции невиновности в уголовном процессе нельзя обязывать обвиняемого представлять что-либо, включая письменное обоснование своей позиции, но законодателю при подготовке УПК РФ как будто вовсе не пришло в голову, что защите будет, что сказать. К тому же обязательным «защитительное заключение» могло бы быть для защитника, поскольку он не связан с позицией подсудимого «не оправдываться», а профессиональным долгом адвоката является убедительное обоснование любого процессуального заявления по делу доверителя. Понимаем, что отсутствие указания в законе на «отзыв» на обвинение не препятствует защитнику и подсудимому его подать (так и делается по делам, где защита осуществляется качественно). Роль такого «защитительного заключения» (или «отзыва на обвинение») может играть ходатайство о прекращении дела, обращенное к суду на стадии подготовки к судебному заседанию, сопровождаемое ходатайством о проведении предварительного слушания для решения вопроса о прекращении дела. Профессиональный защитник даже в имеющихся законодательных условиях найдет способ изложить и обосновать собственную правовую позицию в наиболее благоприятный для своего доверителя момент. Однако основная масса уголовных дел явно не такова: письменного обобщения возражений стороны защиты в них нет ни в каком виде. Результаты опросов адвокатов дают основания утверждать, что главная причина отсутствия подобных документов в их практике — это осознание бесполезности подобных действий, притом что они требуют от адвокатов времени и усилий. Выявлены нами и другие мотивы адвокатской пассивности в этой части: нежелание обнародовать свои самые сильные аргументы до суда или даже неуверенность в сохранении юридических отношений с доверителем и связанное с этим нежелание делиться с ним и с его будущим другим защитником плодами собственных усилий. Однако полагаем, что все другие мотивы, кроме уверенности в том, что суд все равно проигнорирует позицию защиты, — второстепенные, подспудные, специфичные для очень небольшой части адвокатов.

Вероятность того, что суд все в точности воспримет на слух и запомнит, снова прослушает или перечитает по протоколу, не слишком высока, либо это, по крайней мере, гораздо сложнее, чем изучить один консолидирующий идеи защиты документ.

По какой причине судебное производство в большинстве случаев принимает заключение эксперта, полученное на досудебном производстве? Как суд может быть уверен в том, что назначение и производство экспертизы были таковы (законны, с соблюдением прав всех участников, не предвзято, не с целью получить определенный результат, вне «контроля» за экспертом со стороны должностных лиц правоохранительных органов), как если бы экспертиза проводилась в суде?

С точки зрения содержания судебных актов можно заключить, что вывод о «надежности» экспертного заключения как доказательства делается на основании материалов дела, исходящих исключительно от органов предварительного расследования. Было бы странно, если бы их постановления о назначении экспертизы содержали процессуальные изъяны, ведь бумага все стерпит, и именно поэтому в других процессуальных отраслях результаты экспертиз, проведенных вне рамок судебного разбирательства, суды принимают неохотно [9].

Если бы производство в суде осуществлялось на основании исключительно судебного уголовно-процессуального кодекса, едва ли можно было бы себе представить разнообразные проявления направления дела для дополнительного расследования, маскирующиеся под поиски объективной истины и активную роль суда, а в действительности, обеспечивающие государственному обвинению «вторую попытку».

К уголовному процессу есть множество претензий, связанных с неравенством сторон в доказывании. Этому посвящаются отдельные исследования, существует обширная практика Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) [10]. Международные стандарты справедливой судебной процедуры сориентированы на уголовно-процессуальные понятия «обвинение», «заключение под стражу», «защитник», «обвиняемый» лишь потому, что уголовное преследование предполагает наиболее энергичное вторжение в сферу основных прав и свобод человека в сравнении с другими сферами правосудия. Собственно же процедурная составляющая этих стандартов не имеет выраженной «уголовной специфики»: суд не

вправе до разрешения им дела занимать позицию ни одной из спорящих сторон, суд обязан обеспечить «симметричную» реализацию прав на представление доказательств, на заявление ходатайств и выражение своего мнения и на личное участие во всех процедурах обеими состоящимся сторонам.

Одна из причин этой масштабнейшей проблемы видится в положении судебного производства как второго, преемственного этапа некоего общего процесса. Более равному положению сторон способствовало бы не получение судом готового уголовного дела, а формирование им собственного, как это происходит во всех остальных процессах: истец обращается в суд с заявлением (в т. ч. иском), а не с делом.

Для сравнения: при производстве по административным правонарушениям (т. е. при привлечении к административной ответственности судом) АПК РФ предусматривает для органа, составившего протокол и собравшего материалы, обращение с заявлением о привлечении к ответственности (ст. 204), сохраняя общесудебное правило рассмотрения спора по просьбе истца. Аналогия с уголовными делами здесь достаточно прямая, но для арбитражного суда АПК РФ не предусмотрел роль «получателя» готового дела, в отличие от УПК РФ.

Колко, но справедливо назвала С. В. Власова критику теории уголовного иска «правилом хорошего тона правоверного процессуалиста» [11, с. 307]. Но, если сегодня в уголовно-процессуальной науке эта теория заслужила поддержку, то нужно признать, что «иск» — это не просто слово. Общая природа иска и обвинения дает обвинителю право распоряжаться его судьбой, но ставит в положение просителя перед судом, а не чиновного распорядителя.

По уголовным делам сейчас ситуация такова: обвинение формирует необходимую ему доказательственную базу в течение всего досудебного производства с использованием властных полномочий и приобретает собранные им полноценные процессуальные доказательства к направляемому в суд уголовному делу. Защитник, и сторона защиты в целом, участвует в процессе доказывания до суда исключительно как заявитель ходатайств перед следователем или дознавателем, то есть перед противоположной стороной в процессе, а в суде, в отличие от уже имеющих процессуальное закрепление доказательств стороны обвинения, впервые ходатайствует перед судом об их собирании, а суд может эти ходатайства и отклонить, в том числе и сочтя убедительными возражения стороны обвинения. Трудно в

такой ситуации говорить о процессуальном равенстве состязующихся сторон — до суда ходатай по определению не может быть равен тому, перед кем он ходатайствует. Таким образом, в суд стороны выходят с очень не равным «доказательственным багажом».

Полагаем, что добиваться равноправия и состязательности бесперспективно попытками введения симметричных полномочий для обвинения и защиты до суда. Какими бы атрибутами вроде услуг частных детективов ни украсили «адвокатское расследование», это всегда будет более гипотетическая возможность, чем реальная сила. Следовательно, уравнивание возможностей в доказывании должен взять на себя суд. Но в действительности, суд ожидает от защиты только таких ходатайств о вызове свидетелей, которые уже прошли предварительный отбор: нужны только те люди, которые наверняка что-то знают. Суд не будет организовывать для стороны защиты множество допросов в попытке найти иголку в стоге сена, он рассчитывает, что защита уже знает местоположение своих «иголок».

Второе. Практика такова, что суд вызывает для допроса всех свидетелей, указанных в обвинительном заключении, т. е. сторона обвинения имеет возможность представить суду все доказательства, которые считает нужными. Защита должна ходатайствовать, просить о том же самом, а суд может ей отказать (и отказывает, ссылаясь на неотносимость их показаний к делу). Подчеркнем, что речь идет не о частном случае, когда адвокат просил допросить какого-то архиважного свидетеля (само по себе маловероятно, что в ходе расследования о нем не стало известно), а суд ему отказал. Речь идет о глобальной тенденции: уведомительном порядке представления доказательств стороной обвинения и разрешительном порядке — стороной защиты.

Третье. О том, что представленные в суд обвинением материалы носят именно характер готового «дела», а не аналога иска и ходатайств об истребовании доказательств, говорит судьба показаний неявившихся в суд свидетелей и потерпевших, допрошенных на предварительном расследовании. Несмотря на установки ЕСПЧ, на периодически принимаемые законодателем (ч. 2.1 ст. 281 УПК, введенная Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ) и разрабатываемые Верховным Судом Российской Федерации ограничения «оглашений», политика судов всегда стремится к расширению перечня их оснований. И это означает следующее: показания свидетеля, допрошенного на предварительном расследовании и указанного стороной

обвинения, если он не явился в суд, будут доказательствами по делу, а о показаниях свидетеля, не допрошенного на досудебном производстве (т. е. свидетеля защиты), не явившегося в суд, — никто не узнает. Нужно отметить, что некоторые причины неявки свидетелей, которые обнаруживаются исследователями в материалах практики, очень далеки от чрезвычайных причин, позволяющих оглашать показания без согласия стороны защиты. Если «нахождение свидетеля на вахте» или «в местах лишения свободы» [12] рассматриваются судами как обстоятельства, делающие их допрос невозможным, становится понятно, что обвинение уже полагает все требуемое от него доказанным протоколами допросов в досудебном производстве, а требование непосредственности исследования доказательств судом касается только того, что представляет защита.

Полагаем, что одна из причин неухаживающих споров по поводу состава принципов уголовного судопроизводства связана с демонстрируемыми выше попытками их универсализации для досудебных и судебных стадий процесса, что является бесперспективным. Состязательность (являющаяся судебным принципом) попала в УПК РФ в перечень общих, а гласность осталась просто нормой, предусмотренной статьей 241. Можно предположить, что если бы правило о ней попало в главу о принципах, наука бы уже разработала «элементы гласности» подобно «элементам» состязательности на этапе расследования.

Структурное усложнение отраслей права является причиной использования не только классической отраслевой, но и институциональной кодификации [13], примеры ее известны — Лесной кодекс Российской Федерации, Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации и др. Традиционно материальное право отреагировало на ситуацию быстрее процессуального и признало возможность «дробления» предмета отрасли ради более качественной кодификации.

Полагаем, что уголовный процесс в силу внутренней разнородности двух его важнейших составляющих — досудебного и судебного производства должен «готовить почву» для их раздельного законодательного регулирования. Есть основания утверждать, что у судебного производства по уголовным делам гораздо больше общего с судебным же производством по любым другим судебным делам (гражданским, арбитражным, административным), нежели с досудебным производством по уголовным делам. Реализация властного начала одной из

сторон в процессе ни при каких условиях не делает сам этот процесс состязательным, а значит — частью справедливой процедуры судебного разбирательства, к международным стандартам которой Россия недвусмысленно обозначила свое стремление.

Список источников

1. Шарипова А. Р. Качество правосудия по уголовным, арбитражным, гражданским и административным делам: сравнение по отдельным параметрам // *Lex Russica*. 2020. № 11. С. 53—61.
2. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1734/en17340004_20150732.pdf, https://www.finlex.fi/fi/laki/kokoelma/2015/?_offset=10 (дата обращения: 10.01.2022)
3. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattegangsbalk-1942740_sfs-1942-740 (дата обращения: 10.01.2022)
4. Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М. 1985.
5. Лапин Б. Н. Проблемы институционализации судебного права в научной и практической юриспруденции государств Евразии // Проблемы современной экономики. 2004. № 1—2. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=383> <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=383> (дата обращения: 10.01.2022)
6. Шейфер С. А. Российский следователь — исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34—36.
7. Победкин А. В. Традиции доказывания в ответственном уголовном процессе (почему состязательность не принцип уголовного процесса) // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конференции 24—25 октября 2019 г. М., 2020. С. 78—83.
8. Соловьев С. А. Благоприятствование защите (favor defensionis): монография. М., 2021.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2015 г. № 308-ЭС15-10659 по делу № А61-709/2013.
10. Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск, 2011.
11. Власова С. В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики: монография. М., 2020.
12. Маркова Т. Ю. Оглашение в суде показаний свидетелей и потерпевших, данных на стадии предварительного расследования // *Lex russica*. 2016. № 9. С. 163—177.

13. Чухвичев Д. В. Особенности законодательной техники при проведении кодификации // *Право и политика*. 2005. № 10.

References

1. Sharipova A. R. The quality of justice in criminal, arbitration, civil and administrative cases: comparison by individual parameters. *Lex Russica*, 2020, no. 11, pp. 53—61. (In Russ.)
2. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1734/en17340004_20150732.pdf, https://www.finlex.fi/fi/laki/kokoelma/2015/?_offset=10 (accessed 10.01.2022) (In Russ.)
3. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattegangsbalk-1942740_sfs-1942-740 (accessed 10.01.2022) (In Russ.)
4. Larin A. M. Criminal procedure: structure of law and structure of legislation. Moscow, 1985. (In Russ.)
5. Lapin B. N. Problems of institutionalization of judicial law in scientific and practical jurisprudence of the states of Eurasia. *Problems of the modern economy*, 2004, no. 1—2. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=383>, <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=383> (дата обращения: 10.01.2022). (In Russ.)
6. Shejfer S. A. Russian investigator — researcher or persecutor? *Rossiyskaya yusticiya*, 2010, no. 11, pp. 34—36. (In Russ.)
7. Pobedkin A. V. Traditions of proving in the domestic criminal process (why adversarial nature is not a principle of criminal procedure). The nature of the Russian criminal process and the principle of competitiveness: on the 125th anniversary of the birth of M. S. Strogovich: conference materials of October 24—25, 2019. Moscow, 2020, pp. 78—83. (In Russ.)
8. Solov'ev S. A. Fostering protection (favor defensionis): monograph. Moscow, 2021. (In Russ.)
9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of July 28, 2015 no. 308-ES15-10659 in case no. A61-709 / 2013. (In Russ.)
10. Trubnikova T. V. The right to a fair trial: the legal positions of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal proceedings of the Russian Federation. Tomsk, 2011. (In Russ.)
11. Vlasova S. V. Theoretical concept of legal (criminal procedural) organization of combating crime in the field of economics: monograph. Moscow, 2020. (In Russ.)
12. Markova T. Yu. Publication in court of testimony of witnesses and victims given at the stage of preliminary investigation. *Lex russica*, 2016, no. 9, pp. 163—177. (In Russ.)
13. Chuhvichev D. V. Features of legislative technique when carrying out codification. *Pravo i politika*, 2005, no. 10. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Р. Шарипова — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. R. Sharipova — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.